

ВРЕМЯ И ТЕКСТ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК

Санкт-Петербург
2002

Ф. З. Капунова

«К РУССКОМУ ВЕЛИКАНУ» ЖУКОВСКОГО И «МОРЕ И УТЕС» ТЮТЧЕВА

(Об общественной и историко-культурной концепции
поэтов)

Отношения Тютчева и Жуковского давно уже стали предметом изучения¹. Широко известны благодарные стихи Тютчева, посвященные памяти Жуковского, определенная близость их эстетики и поэтики. Однако в отношении поэтов остались еще недостаточно изученные вопросы, к числу которых относится смысл соотношения двух очень близких по теме стихотворений «К русскому великану» и «Море и утес».

В «С.-Петербургских ведомостях» в сентябре 1848 г. было опубликовано стихотворение Жуковского «К русскому великану» (оттуда перепечатано «С северной пчелой», сентябрь 1848 г., «Русским инвалидом», 7 сентября 1848, № 197, и др. изданиями). Стихи вызваны к жизни февральскими революционными событиями 1848 г. во Франции. В основе стихотворения конфликт ревущего океана (революционного Запада) и непоколебимого утеса-великана (России)².

К русскому великану

Не тревожься, великан!
Мирно стой, утес наш твердой,
Отшибая грудью гордой
Вкруг ревущий океан!

Вихрей бунт встревожил воды;
Воем дикой непогоды
От поверхности до дна
Вся пучина их полна;
На тебя их буря злится;
На тебя их вой и рев;
Повалить тебя грозитя
Обезумевший их гнев.
Но с главы твоей подзвездной
Твой орел, пространства князь,
Над бунтующей смеясь
У твоей подошвы бездной,
Сжавши молнии в когтях,
В высоте своей воздушной —
Наблюдает равнодушно,
Как раздор кипит в волнах,
Как оне горами пены
Многоглавые встают
И толпою всей бегут
На твои ударить стены.
Ты же, бездны господин,
Мощный первенец творенья,
Стой среди всевозмущенья
Недоступен, тих, один;
Волн ругательные визги
Ветр, озливший их, умчит;
Их гранит твой разразит,
На тебя нападших, в брызги!¹³

Стремление Жуковского четко выразить конфликт, внимательное отношение к поэтическому смыслу и поэтическому звучанию слова следует из решительного неприятия поэтом переделанных, по предположению Жуковского, П. А. Вяземским двух последних стихов «К русскому великану», появившихся в первых газетных публикациях. А. Я. Булгакову 9 октября 1848 г. Жуковский пишет: «Скажи ему (Вяземскому. — Ф. К.), что я совсем не благодарен ему за ту поправку, которую он (вероятно он) сделал в моих стихах, напечатанных в «Скверной Пчеле», и это не от авторского самолюбия, а просто оттого, что из смысла сделалась бессмыслица. Вот мои стихи:

Волн ругательные визги
Ветр, озливший их, умчит;
Их (волны) гранит твой разразит
На тебя нападших в брызги.

Вместо последних двух стихов стоит:

И летучие их брызги
О гранит твой разразит.

Первое, жаль, что энергическое слово *брызги* не осталось на конце: оно живописно оканчивает картину. После *разразит* ждешь чего-то, кажется, нет конца. Но главное то, что нет смысла. Если перевести в прозу мои стихи, будет: *ругательный визг волн разнесет ветер, а если они нападут на тебя, твой гранит разразит их в брызги*. Вместо того поправка говорит: *ветер умчит визги волн и разразит их брызги об гранит*. Если брызги, то зачем же разбивать их снова? И какая в этом нужда? Хорошо, когда разобьешь в брызги *волны* — тут есть чем похвалиться! А сражаться с брызгами, бить битого — мало чести. Прошу это послать Вяземскому⁴. Письмо Жуковского возымело действие: в «Москвитянине» текст стихотворения был напечатан без искажений.

П. А. Вяземский в письме Жуковскому от 18 октября 1848 г., узнав о недовольстве переделкой, сообщает, что в редактировании активное участие принимал Ф. И. Тютчев: «На другой день после чтения Тютчев принес нам несколько стихов, *которыми дополнил он твои* и между тем перемену свою в твоих последних стихах. Как его стихи начинались женским стихом, то перемена, им сделанная в твоих, еще более искусила нас, и мы, благославляясь и уповая на твое великодушие, посягнули на твою собственность. И наложили на нее руку свою <...> Между тем стихи твои напечатаны в «Москвитянине» по-твоему в неприкосновенности»⁵.

Несмотря на протест Жуковского против вмешательства редакторов в текст его стихотворения, влияние «К русскому великану» на Тютчева несомненно. Развивая мысль Жуковского, он пишет, как выразился Вяземский, в их «дополнение» следующие девять стихов, которые он напечатал в «Русском инвалиде» сразу после стихотворения Жуковского «Не тревожься, великан!»:

Стой же ты, утес могучий,
 Потерпи лишь час, другой.
 Не всегда ж волне гремучей
 Воевать с твоей пятой ...
 Утомясь потехой злою,
 Присмиреет вновь волна,
 И без пены, и без вою,
 Под гигантскою пятою
 Вновь уляжется она⁶.

Они явились последней, четвертой строфой стихотворения «Море и утес», написанного, как видно, под непосредственным влиянием «К русскому великану» Жуковского (напечатано в «Москвитянине» 1851. № 11). И по общему пафосу, и по одинаковому метру, и по метафорическому строю, и по природе поэтического образа эти стихотворения близки между собою. Вот некоторые примеры:

Жуковский	Тютчев
Не тревожься, великан. Мирно стой, утес наш твердой Отшибая грудью гордой Вкруг ревуший океан! На тебя их буря злится; На тебя их вой и рев; Повалить тебя грозится Их гранит твой разразит, На тебя нападших, в брызги.	Но спокойный и надменный Дурью волн не обуян, Неподвижный, неизменный, Мирозданию современный, Ты стоишь, наш великан. И озлобленные боем, Как на приступ роковой, Снова волны лезут с воем На гранит громадный твой (2, 11).

Напечатанное через два года в «Москвитянине» все стихотворение Тютчева не просто повторяло Жуковского, а, естественно, вносило в трактовку темы некоторые новые черты. Во-первых, поэт отказался от несколько рационалистического аллегоризма (см., например, образ «орла, сжимающего молнию в когтях»), заменив его символической картиной, отмеченной необычной «стремительностью», «силой стиха» и «исключительным богатством созвучий»⁷:

И бунтует, и клокочет,
Хлещет, свишет и ревет,
И до звезд допрыгнуть хочет,
До незыблемых высот.

Или:

С ревом, свистом, визгом, воем
Бьет в утес береговой (2, 11).

Этим Тютчев, идя от Жуковского, как бы развертывает картину опасности революционного взрыва на Западе и усиливает представление о спасительной роли России (здесь сыграла свою роль славянофильская ориентация поэта). Отсюда несколько изменившийся тон стихотворения, придававший ему иное жанровое направление. Стихотворение Жуковского «К русскому великану» — своего рода послание, обращение поэта к России с целью подбодрить, вселить веру в свои огромные силы:

Не *тревожься*, великан,
Мирно стой, утес наш твердой...
(4, 72. — Курсив мой. — Ф. К.)

У Тютчева отсутствует это субъективное авторское начало. У него нарисована объективная картина противостояния могучего великана неистовому визгу «мутных волн», смысл которой однозначен:

Но спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,
Неподвижный, неизменный,
Мирозданью современный,
Ты стоишь, наш великан
(2, 11. — Курсив мой. — Ф. К.)

У Тютчева, пожалуй, в большей мере, чем в стихотворении Жуковского, Россия в борьбе с революционным Западом представлена как символ «мирового порядка», как «целительница всех недугов века». В последней строфе эта особая роль России подчеркивается утверждением поэта, что «гресмучая волна» революции

Присмирет...
И без вою, и без бою,
Под гигантскою пятаю
Вновь уляжется...

(2, 11. — Курсив мой. — Ф. К.)

Тютчев, развивая Жуковского, придал конфликту России и Запада общемировой масштаб. Отсюда и усиление символического смысла стихотворения, и его негативная лексика: «*дурью волн не обуян*», «*адская ли сила*», «*огнь геенский*», «*мутной пеной обессиленный порыв*».

Однако особый поэтический почерк Тютчева, отличающий его от Жуковского, не противоречит принципиальной близости общественной, религиозно-философской и эстетической концепций рассматриваемых стихотворений. Это отчетливо следует из соотношения других произведений поэтов. 13 апреля 1848 г. Тютчев пишет статью «Россия и революция», главный тезис которой — утверждение исконной оппозиционности революции и христианства — был также органически близок Жуковскому.

Нам уже приходилось писать о том, что материалы библиотеки Жуковского, посвященные Французской революции конца XVIII века, со всей очевидностью свидетельствуют о резко негативном отношении поэта к революционному пути изменения действительности. По убеждению Жуковского, революция парализует нравственность и такую важнейшую ее цитадель как *религия*. В процессе глубокого изучения многих европейских мыслителей и прежде всего таких, как Руссо и Гизо, Жуковский еще задолго до Тютчева четко формулирует проблему оппозиции христианской морали и революционной этики⁸. В указанной статье Тютчева «Революция и Россия» эти же проблемы приобретают более отчетливый историко-национальный характер (несомненно, под влиянием революционных событий во Франции 1848 г.).

«Давно уже, — пишет Тютчев, — в Европе существуют только две действительные силы — Революция и Россия. Эти две силы теперь противопоставлены одна другой. Может быть, завтра они вступят в борьбу». Так Тютчев исторически объясняет конфликт стихотворения «Море и утес». Не менее четко говорит он и об отношении революции и религии: «Революция прежде всего враг христианства! — антихристианское настроение есть душа

Революции; это ее особенный отличительный характер», — выразит Тютчев предельно близкую Жуковскому мысль⁹.

С темой революции органически связана в сознании Жуковского тема Наполеона. Деяния Наполеона, его путь в истории служили, по Жуковскому, прекрасным уроком революции. В замечаниях на рассуждения Руссо о проекте аббата де Сен-Пьера «О вечном мире» Жуковский пишет: «Теперь только, когда Бонапарте рухнул, можно судить сколь великим уроком, *пробуждающим жизнь, был урок Французской революции*». Этот урок, по убеждению Жуковского, направлен к тому, «чтобы сделать революции невозможными»¹⁰. Несмотря на определенный утопизм мысли поэта, его историко-культурная концепция, имевшая важнейшую национальную перспективу, проявлена четко. Она проходит через многие произведения поэта и достигает наиболее полного выражения в лебединой песне — поэме «Агасфер». Чтобы поднять проблему оппозиции наполеонизм — христианство на высокий уровень, Жуковский вводит Наполеона в произведение, основанное на религиозно-мифологическом сюжете.

Центральная часть поэмы — исповедь Агасфера перед Наполеоном, в котором акцентируются основные нравственные принципы Библии:

Недаром я о том здесь говорю,
Что из Писанья ты *без веры* знаешь
(8, 103. — Курсив мой. — Ф. К.)

Безверие Наполеона, по убеждению автора «Агасфера», породило необузданное и безграничное властолюбие, обернувшееся трагической иллюзией для его дела и для его судьбы.

О необузданном индивидуализме, порожденном безбожием, как о самом следствии революции, говорит в своей статье Тютчев: «Новое явление, получившее в 1789 г. название Французской революции — это человеческое я, *заменившее собою Бога*, <...> самовластие человеческого я <...> стремящегося овладеть обществом», и именно в этом, по Тютчеву, состояла главная антихристианская суть революции¹¹.

Очень близок Тютчев Жуковскому в решении самой проблемы Наполеона. Как и для Жуковского, Наполеон у Тютчева — порождение революции:

Сын революции, ты с матерью ужасной
Отважно в бой вступил — и изнемог в борьбе.
Бой невозможный, труд напрасный,
Ты всю ее носил в самом себе (1, 266).

Это, как указывалось, принципиально близко Жуковскому. Во втором стихотворном отрывке, посвященном Наполеону, Тютчев, давая ему историческую оценку («Два демона ему служили»), решительно отторгает «дело» Наполеона от *освящающей божественной силы*¹²:

Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Души его не озарила
И не приблизилась к нему ...
Он был земной, не божий пламень,
Он гордо плыл — презритель волн,
Но о подводный веры камень
В щепы разбился утлый челн.

Так писал Тютчев в 1840—1841 гг. Впоследствии, в 1851 г., эти мысли получают монументальное, историко-культурное развитие в «Агасфере», произведении, которое Вяземский считал принципиально важным не только в творчестве Жуковского, но и «во всем цикле русской поэзии»¹³.

Таким образом, органическая близость нравственно-религиозных и историко-культурных воззрений Тютчева и Жуковского в конце 1840-х гг. объясняет поразительное сходство стихотворений «К русскому великану» и «Море и утес»¹⁴.

Примечания

¹ Аксаков И. С. Биография Ф. И. Тютчева. М., 1886. С. 114—119; Веселовский А. Н. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения. СПб., 1904. С. 415, 439, 442; Тынянов Ю. Н. Пушкин и Тютчев // Пушкин и его современники. М., 1969. С. 178-179, 188; Королева Н. В. Ф. И. Тютчев // История русской поэзии. Т. 2. Л., 1969. С. 193—196; Грехнев В. А. Слово и большой лирический контекст в поэзии пушкинской поры. Жуковский, Тютчев // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. Вып. 115. 1971. С. 3—25; Основат

А. Л. Жуковский в биографии Тютчева // Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 15—16.

² Черновой автограф свидетельствует о стремлении Жуковского в своей правке отдельных слов уточнить национальный смысл произведения и углубить конфликт:

Черновой	Беловой
Мирно стой, <i>стеною твердой</i>	Мирно стой, <i>утес наш твердой</i>
<i>Вкруг шумящей</i>	<i>Вкруг ревущий океан</i>
<i>Волн могучие потоки</i>	<i>Вихрей бунт</i> встревожил воды

³ Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 4. СПб., 1902. С. 74. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

⁴ Жуковский В. А. Соч.: В 6 т. Т. 6. СПб., 1878. С. 580.

⁵ Переписка П. А. Вяземского с В. А. Жуковским (1842—1852) // Памятники культуры. Новые открытия. 1979. Л., 1980. С. 61 (Курсив мой. — Ф. К.)

⁶ Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. Т. 2. М.; Л., 1934. С. 291 (из коммент. Г. Чулкова). Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

⁷ Благой Д. Д. Жизнь и творчество Тютчева // Там же. Т. 1. М.; Л., 1933. С. 44—45.

⁸ См.: Канунова Ф. З. Оппозиция христианства и наполеонизма в русской литературе 1830—1850-х гг. и некоторые методологические проблемы ее изучения (В. А. Жуковский, Г. С. Батеньков, Н. В. Гоголь) // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков. Петрозаводск, 1998. С. 178—190; Янушкевич А. С. Жуковский и Великая Французская революция // Великая Французская революция и русская литература. Л., 1990. С. 106—141.

⁹ Тютчев Ф. И. Россия и Революция // Русский архив. 1873. № 5. С. 912. Ср.: Аксаков И. С. Биография Ф. И. Тютчева. С. 135—136.

¹⁰ Канунова Ф. З. Вопросы мировоззрения и эстетики В. А. Жуковского. Томск, 1990. С. 135.

¹¹ Тютчев Ф. И. Россия и Революция. С. 914.

¹² См.: Кошелев В. А. Прах // Очарованный странник. (Ярославль), 1995. Ноябрь — декабрь.

¹³ Русский архив. 1866. № 6. С. 874.

¹⁴ Представляется, что выводы Д. Д. Благого в его статье «Жизнь и творчество Тютчева» о том, что, в отличие от Жуковского, «туговатого на ухо» в отношении революции, Тютчев-поэт «слышал» революцию и что в его «Море и утесе» впервые зазвучала «музыка революции», явились данью времени и не отличались точностью.